

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'225

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

И.Ж. Едиханов

Аннотация

Статья посвящена проблеме перевода разножанровых классических татарских текстов на русский язык. В центре внимания – анализ двух переводов произведений татарских просветителей XIX века К. Насыри и Ш. Марджани. Рассматриваются лингвистические и экстралингвистические факторы перевода дидактических и философских татарских текстов на русский язык.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, просветительская литература, переводоведение, религиозная философия.

Современной наукой в последнее время активно разрабатываются вопросы межкультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния культур. Общество-политические условия выдвигают проблему адекватной, толерантной межкультурной коммуникации. Адекватной она может быть только при условии полного взаимопонимания носителей разных культур, а следовательно, терпимого отношения их друг к другу.

Важнейшим хранилищем лингвокультурной информации являются художественные тексты. Диалектическое единство литературного произведения и его перевода предполагает взаимовлияние двух языковых картин мира, двух художественных систем. Текст перевода «встраивается» в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам – исходной культуре и культуре реципиента. Текст перевода не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры. Выявление условий и механизмов подобных трансформаций представляется важнейшей задачей современного переводоведения, когда при исследовании должны быть интегрированы филологические, культурологические, семиотические, когнитивные аспекты проблемы. Изучение механизмов и характера этих трансформаций также имеет важное значение для оптимизации процессов межкультурной коммуникации.

Перевод, как известно, это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм, то есть способность переводчика использовать

в коммуникации два языка. Языковая коммуникация с переводом существенно отличается от обычной ситуации билингвизма, когда двуязычный субъект попеременно пользуется либо одним, либо другим языком. Перевод предполагает одновременную актуализацию обоих языков. Н.К. Гарбовский определяет перевод как «билингвизм динамический, при котором в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик, соответственно, является местом контакта не только языков, но и двух культур» [1, с. 316]. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание М.М. Бахтина, ставшее уже классикой, о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [2, с. 335]. В то же время необходимо учитывать, что в переводе постоянно осуществляется не столько контакт, сколько, возможно, «столкновение» культур, но не культуры одного народа с культурой другого как объективных способов жизнедеятельности народов, а культуры, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и об особенностях её интерпретации автором оригинала. Поэтому изучение взаимодействия культур народов через перевод и в переводе представляется делом достаточно сложным, но в то же время благородным и необходимым.

Поскольку тексты для переводов разнообразны по жанрам, стилям и функциям, переводчику важно знать, какой вид текста ему надлежит переводить. Типы текстов определяют подход и требование к переводу, влияют на выбор приёмов перевода и определение степени эквивалентности перевода оригиналу. Цели и задачи переводчика оказываются различными в зависимости от того, что он переводит – поэму или роман, научную статью или газетную информацию, документ или техническую инструкцию. А закономерности перевода каждого из жанров имеют свои отличия.

Объектом данного исследования является творчество татарских писателей-просветителей XIX в. Каюма Насыри и Шигабутдина Марджани, а предметом – лингвистические особенности произведения «Тәрбия китабы» («Книга о воспитании») и отрывка «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар» («Кладёзь сведений о делах Казани и Булгара») и их переводов на русский язык.

Татарская духовная культура на протяжении многих веков являлась составной частью арабо-мусульманской цивилизации. Её развитие вплоть до революции 1917 года шло в русле процессов, протекавших на исламском Востоке. Специфика произведений К. Насыри, Ш. Марджани заключается в том, что в основе их содержания лежит исламское вероучение. Поскольку в исламском мире образованность и наука являются неотъемлемой частью жизни мусульман, Ш. Марджани делал опору на исламское вероучение как на главную науку жизни, из которой вытекали другие науки, в том числе история, этика, философия [3, 4].

Писатели-просветители в своих сочинениях, рассчитанных на широкий круг читателей, не столько ведут рассуждения по проблемам веры и убеждений, сколько стремятся укрепить нравственность соотечественников путём воспитания и наставлений. Для них они пишут дидактические работы.

Жанр книги Насыри можно обозначить как средневековый арабо-мусульманский адаб, так как в ней излагаются определенные требования, предъявляемые к всесторонне образованной и воспитанной личности. Мягкий юмор и нежность по отношению к сыну придают книге интимный тон, создают иллюзию личной беседы с автором. Вставные рассказы, чрезвычайно простые по стилю, изложены живо и увлекательно, так как язык произведения доступен для понимания, близок к народно-разговорному стилю. Но здесь также наблюдается и смешение разговорных элементов с книжной лексикой, что неудивительно, так как для произведений жанра адаба характерна кажущаяся непоследовательность изложения дидактического материала, представляющего собой, условно говоря, первый уровень постижения религиозных проблем. Второй уровень подразумевает более высокую степень образованности. Здесь основополагающие идеи раскрываются в подлинно философском аспекте. В произведениях такого рода наблюдается энциклопедический принцип изложения материала, обилие арабо-персидской лексики, религиозно-философских терминов, в частности это можно сказать о произведении Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар», в котором преобладают наименования фактов, сопутствующая информация. Хотя и названный текст не лишен элементов разножанровости, всё зависит от темы и содержания материала, излагаемого в произведении. Работа с философским текстом основывается на информационном подходе, предполагающем полноту, точность и адекватность информации. В подобного рода текстах, представляющих образцы религиозной философии, роль терминологического аппарата возрастает в связи с необходимостью образования терминов, отсутствующих в языке оригинала.

Безусловно, все эти процессы отразились как в языке произведений данных писателей в частности, так и в истории татарского литературного языка в целом. Общеизвестно, что вторая половина XIX века, особенно её последняя четверть, это период ускоренного развития в истории татарского литературного языка, когда начинают активно развиваться его функциональные стили, возникает необходимость выработки собственной терминологической базы для создания научных произведений в различных областях знаний. Мы считаем, что именно философия просветительства явилась одним из катализаторов этих «бурных» процессов, происходивших в литературном языке того времени. Ведь именно в письменной речи «происходит дифференциация литературной речи, появляются системы, в которых подбор дифференцирующих признаков представляется результатом сознательного отбора языковых средств **в связи с целью сообщения** (выделено нами. – *И.Е.*)» [5, с. 73]. Цель сообщения и адресат текста определяют выбор тех или иных языковых средств, оформляющих язык произведений. В нашем случае это положение вполне применимо и к трудам татарских писателей-просветителей.

Отнести вышеназванные произведения к определенному типу текста весьма затруднительно в силу взаимодействия различных стилевых традиций, складывавшихся в конкретный исторический период в татарской литературе, и наличия экстралингвистических факторов. Но в целом мы можем квалифицировать «Книгу о воспитании» К. Насыри как текст, ориентированный на форму, а отрывок произведения Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар»

(«Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») как текст, ориентированный на содержание [6].

Известно высказывание Г.Г. Зайнуллина о том, что «у мусульманских народов, исповедующих ислам, богословская и светская литературы развивались, переплетаясь как бы воедино» [7, с. 9]. «Книга о воспитании» К. Насыри представляет собой некий синтез духовной и светско-просветительской литературы, что подтверждается языковым материалом. Так, язык К. Насыри характеризуется обилием арабизмов, книжной и высокой, религиозной лексики, архаизмов, историзмов (*заһид, дәрвиш, шәех, фасикъ, тамгы, мәшаих, падишаһ, шаһзада* и др.), стилистически маркированных морфологических и словообразовательных форм (*устермәк, сөйләшмәк, кыйлмагайсән, нәсихәт, тарикынча, таянмыш* и др.). В области грамматических особенностей нами отмечено следующее. Среди глагольных форм преобладают: 1) общетюркские варианты с аффиксами *-ды/-де, -ты/-те*, образующие прошедшее категорическое время, благодаря которому создаётся эффект живости и увлекательности вставных рассказов; 2) императивы (являющиеся характерной особенностью языка дидактической литературы) и 3) некоторые собственно татарские формы, такие, как инфинитив на *-ырга/-ергә, -маска/-мәскә*, который участвует в конструкциях долженствования, имя действия на *-у/-ү*, условное наклонение на *-са/-сә*.

Проведённый анализ переводных соответствий в произведении «Книга о воспитании» К. Насыри позволяет нам сделать следующие выводы.

В целом большая часть текста переведена достаточно удачно, так как в межъязыковых эквивалентах присутствуют общенациональные, общекультурные явления, сохранены образность, содержательная ценность, лексико-стилистическая адекватность.

Наибольшую трудность вызвали те участки текста, где писатель использует специфические национальные (культурные, религиозные) образы и явления. В данных случаях наблюдается:

а) некомпенсированность некоторых элементов текста оригинала в тексте перевода:

...Әй уғыл, бу кыйссадан сиңа тәрбия шулдыр ки, **[канәгать кирәк]**. Гыйлем, әлбәттә, пәйгамбәр мирасыдыр [8, б.346].

...О сын мой, из этой притчи ты должен уяснить себе, что знания, вне всякого сомнения, есть наследие пророка [9, с. 85].

Обратимся к Арабско-татарско-русскому словарю заимствований [10, б. 201]. В лексеме *канәгать* (достаточно распространенной в татарском языке и по сей день) выделяются следующие значения: «нетребовательность, невзыскательность, неприхотливость, умеренность». Смысл данной притчи сводится к тому, что во всем нужны непритязательность, умеренность. В переводе же это не отражено, акцент делается на знания (*гыйлем*). На наш взгляд, в данном случае происходит не только нарушение, но и изменение смысла наставления. Умеренность и непритязательность являются ключевыми понятийными категориями в исламе, в связи с чем «оценка шариатом поведения человека испытывает влияние религиозно-этической идеи умеренности, исключения риска и крайности» [11, с. 57], что находит отражение и в данном наставлении;

б) введение новых единиц в текст перевода;

в) нарушение, изменение смысла наставлений при переводе:

...Ул кеше айтте: «Изге бәхетлелекнең галамәте шулдыр ки, дөньяда парһизкяр булыр, **ахирәтне онытмас**, гыйбадәтчән булыр... аз сүзле булыр... хәрәмнан сакланыр...» [8, б. 350].

...Он ответил: «Доброе счастье бывает воздержанным, всегда **помнит друзей**, оно благочестиво, малословно... безгрешно...» [9, с. 89].

Словосочетание **ахирәтне онытмас** переведено как **помнит друзей**. Действительно, у лексемы *ахирәт* два значения: 1) «загробная жизнь»; 2) «верный, закадычный друг» [10, б. 19]. Переводчик прибегает ко второму значению, в оригинале же использовано слово в своем первом, основном значении. Это подтверждается следующими показателями: после данного словосочетания следуют такие, как *гыйбадәтчән булыр* («благочестиво»), *хәрәмнан сакланыр* («безгрешно») и т. д., то есть они составляют тематический ряд, связанный с религиозными понятиями (исламом). Далее в наставлении идет описание «злого счастья», компоненты которого антонимичны первой части. Используется выражение *үлемне онытыр* («оно забывает, что жизнь не вечна»). Из всего этого следует, что лексема *ахирәт* никак не могла быть использована здесь во втором своем переносном значении.

В области микростилистики произведения наблюдаются следующие явления: а) усиление выражения; б) сходство выражения; в) ослабление выражения (стилистическая утрата и стилистическая нивелизация).

При переводе пословиц, поговорок, образных выражений переводчик использует: а) описательные обороты; б) смысловые (концептуальные) эквиваленты; в) дословный перевод.

В некоторых случаях происходит утрата этических концептов, что, безусловно, наносит ущерб восприятию, пониманию произведения, культуры в целом.

Можно сказать, что данный перевод, осуществленный А. Бадюгиной, в целом отвечает и тем требованиям, которые предъявляются к художественным текстам, ориентированным на форму. В соответствии с языковой функцией выражения, стоящей на первом плане в текстах, ориентированных на форму, при переводе достигается равноценность воздействия с помощью аналогии формы, так как сохранена композиционная структура наставлений, учтены «темп» и форма стиля, равно как и эстетическое воздействие сравнений и образных выражений. Вместе с тем жанровая специфика «Книги о воспитании» требует сохранения и содержательной структуры произведения при переводе. При этом наблюдаются отдельные сдвиги, нарушения в содержательном плане, но художественная ценность перевода сохраняется. Переводчик А. Бадюгина ищет не только смысловую и образную точности в воспроизведении оригинала, она прежде всего стремится найти верный стилистический ключ, в меньшей степени заботясь о буквалистской точности.

Что касается перевода труда Ш. Марджани, то он выполнен в соответствии с главным требованием, предъявляемым к текстам, ориентированным на содержание: обеспечена инвариантность на уровне плана содержания. Автора перевода отличает стремление к сохранению всей специфики оригинального текста. Это выражается в максимально точной передаче смысла переводимых предложений и оборотов посредством дополнительных комментариев [12, с. 182–188].

В целом можно сказать, что основные трудности, с которыми столкнулись переводчики, были связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить следующие типы трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах, а также связанные с преодолением исторического контекста и необходимостью отразить стилистический срез. Особенностью татарских слов является то, что для них характерен синкретизм значений, большой семантический объем. При переводе подобных слов наблюдается введение новых единиц в текст перевода, а иногда и некомпенсированность этих элементов исходного текста в тексте перевода. В некоторых случаях эстетическая информация трансформируется в этическую. Работа с философским текстом основывается на информационном подходе, предполагающем полноту, точность и адекватность информации. При переводе научных трудов главное – передать мысль, логику мысли, последовательность рассуждения. Переводчику приходится прибегать к амплификациям, разъясняя суть термина, переводить термин дословно или транскрибировать его. Уровень относительной эквивалентности перевода данного труда обуславливается отдельными грамматическими трансформациями, логическими и терминологическими уточнениями и разъяснениями, зависящими от характера научного труда и прагматических требований к переводу.

Таким образом, если языковое оформление перевода труда Ш. Марджани ориентировано в первую очередь на русского читателя, то перевод произведения К. Насыри детерминируется исходным татарским языком. Для наиболее адекватного перевода произведений татарских писателей-просветителей надо учитывать не только языковые особенности, стиль каждого из авторов, но и особенности их религиозно-философского мышления. Такой перевод, несомненно, способствует оптимизации процессов межкультурной и, что особенно важно, межвременной коммуникации.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

I.G. Edikhanow. Intercultural Communication in Translations of Works by Tatar Enlighteners into Russian.

The article regards the problem of translation of classical Tatar texts of different genres into Russian. Research has been carried out on the language peculiarities of the literary works of the 19th-century Tatar enlighteners, as well as on the characteristic features of their religious and philosophical thinking. Specific features of translating such works into Russian are under consideration.

Key words: intercultural communication, enlightening literature, translation studies, religious philosophy.

Литература

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 365 с.
3. *Юзеев А.Н.* Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. – 192 с.
4. *Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. – 239 с.
5. *Гальперин И.Р.* К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова / Гл. ред. М.Б. Храпченко – М.: Наука, 1965. – С. 68–73.
6. *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. / Вступ. статья и общ. ред. В.Н. Комисарова. – М.: Междунар. отн., 1978. – С. 202–228.
7. *Зайнуллин Г.Г.* Татарская богословская литература XVIII – начала XX вв. и её стили-языковые особенности: Дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1999. – 107 с.
8. *Насыри К.* Сайланма эсэрләр: 4 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. – Т. 4. – 400 б.
9. *Насыри К.* Избранные произведения. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. – 256 с.
10. *Мәхмүтов М.И., Сәйфуллин Г.Ш., Хәмзин К.З.* Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). – Казан: Тат. кит. нәшр., 1965. – 856 б.
11. *Тухватуллина Л.И.* Проблема человека в трудах татарских богословов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – 207 с.
12. *Едиханов И.Ж.* О транслитерационном способе перевода лексических единиц, содержащих фонтовую информацию (на материале произведения Ш. Марджани) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 182–188.

Поступила в редакцию
17.10.08

Едиханов Искандер Жамилович – ассистент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.
E-mail: eiskander@yandex.ru